
Алексей АХМАТОВ

«ПОПУГАЙЧИК»

Рассказ

В самом начале девяностых наступило скучное время очередей и талонов, но день рождения жены удалось-таки провести вполне достойно. Были и праздничный торт, и водка, и даже красное вино. Праздник отшумел, и гости разошлись, когда в передней раздался звонок.

— Кого еще несет в двенадцать часов ночи? — оторвалась от мытья посуды виновница торжества, успевшая сменить парадное платье на кухонный передник.

— Наверное, Трояновы зонтик забыли... — неуверенно произнес муж.

Сын вскочил с кровати и рванулся в прихожую, на ходу заправляя майку в трусы.

— Ты-то куда, ну-ка спать быстро! В школу завтра вставать, — крикнула из кухни мать, Впрочем, без всякой надежды на реакцию.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, с огромным рюкзаком за спиной стоял Виктор Михайлович — старый друг семьи и сосед по даче, подрабатывающий в осенне-зимний сезон дачным сторожем. Поскольку этот сезон и наступил, он пару месяцев безвылазно сидел в садоводстве, никак не давая о себе знать.

— Что, мартышки, принимайте гостя, — хорохорясь, проговорил он и для верности оттопырил карман, из которого показалось узкое водочное горлышко. — Николавна-то здесь?

— А где ж ей быть? — обрадовался неожиданному продолжению банкета хозяин. — Заходи на кухню, поздравляй!

— Заходи-заходи, — ехидно передразнил сын, — мама все равно вас сейчас разгонит.

— А ты, короед, не каркай, — поприветствовал его гость, — скажи мамке, пусть встречает.

Виктор Михайлович почесал бороду и бочком втиснулся в прихожую:

— Николавна, гости к тебе!

Татьяна Николаевна всплеснула мокрыми руками:

— Какими судьбами?

— Как я мог твой день рожденья пропустить? Обижаешь! — и Виктор Михайлович снял увесистый рюкзак и мягко поставил его на пол. — Принимайте подарок.

Рюкзак на этих словах легонько шевельнулся.

— Что это? — испугалась Татьяна Николаевна, вцепившись в косяк.

— Хотели попугайчика?! — хитро ухмыльнулся гость.

Алексей Дмитриевич Ахматов родился в 1966 году в Ленинграде. Поэт, критик. Член Союза писателей России, заместитель председателя секции поэзии Союза писателей России, руководитель общества «Молодой Петербург» при Союзе писателей России, главный редактор альманаха «Молодой Петербург». Автор десятка книг, лауреат премии Бориса Корнилова за 2010 год (номинация «На встречу дня»). Лауреат премии журнала «Зинзивер» за 2014 год. Лауреат литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Портрет» за книгу «Моего ума дело» 2016 года и премии Игоря Григорьева за 2017 год.

— Хотели! — закричал сын.

— Подожди, Алексей, — легонько отстранил его отец, — тут надо действовать аккуратно.

Он присел на корточки и начал развязывать тесемки. Внутри снова возникло шевеление, а затем что-то угрожающе шелкнуло. Андрей Андреевич поспешно отдернул руки.

— Да не бойтесь вы, — крикнул Виктор Михайлович и ловко раскрыл загадочный рюкзак. Брезентовые стенки упали, словно кулисы, и на подиуме, как артистка в лучах софитов, возникла огромная птица, формой напоминавшая дыню «торпеду». Белая, в мелкую серую крапинку, с круглыми желтыми глазами и внушительным крючковым носом, в высоту она была сантиметров тридцать пять, а в ширину не меньше двадцати пяти.

— Ой, — только и смогла произнести жена и схватилась за косяк обеими руками.

— Ура! — почти одновременно с ней закричал сын.

— Чего «ой»? — с обидой спросил Виктор Михайлович, хотя в голосе его почувствовались и неуверенные нотки. — Не рады?

— Рады, — авторитетно заверил Алешка.

Тут, мелко дрожа носом, из-за двери высунулся Василий — двухлетний домашний крыс. В клетке, стоящей в кухне под раковиной, он только спал, в остальное время как полноправный член семьи гулял где вздумается и, несмотря на отменное питание, лакомился домашним фикусом, грыз провода и подворовывал муку из хранилища под диваном. И вообще был крайне самостоятельным. Алексей подхватил его на руки и понес знакомиться с птицей.

— А что жрет твой подарок? — насторожился отец.

— Так... этих и жрет, — улыбнулся Виктор Михайлович, — близко не подноси!

Однако Алексей уже всюю вертел крысой перед хищным клювом. Василий был не в восторге и пытался вырваться, царапаясь и отчаянно вертя головой.

— Ну хватит, — занервничала мать, — отнеси его в клетку и обязательно на крючок закрой, чтоб не выбежал!

— И где это чудо в перьях будет проживать? — озадачился Андрей Андреевич.

— Только не на кухне, там Василий, она его съест! — заявила Татьяна Николаевна.

— Кто кого, еще неизвестно, — послышалось недовольное ворчание Алексея из кухни.

— Будем реалистами — может! — заверил гость. — Вообще-то, она все жрет. И корм собачий, и сосиски... А жить может где угодно... — он резво стал смотреть по сторонам, стараясь не сталкиваться взглядом с именинницей, — где жердочку повесим, там и будет жить, глаз радовать.

— А кто это? — тихо спросила Татьяна Николаевна, хотя ответ был давно очевиден.

— Так сова же! — звонко крикнул Алешка, от чего птица вдруг вскинула голову и взмахнула крылами. Это было ошеломительно. Словно огромный плащ взметнулся в воздух, и всех стоящих обдало порывом лесного ветра, зашевелившим волосы на головах. Виктор Михайлович кинулся запаковать сову обратно. Она начала шипеть и угрожающе шелкать клювом. Однако довольно быстро смирилась и, сложив свои огромные крылья, снова сжалась в пернатое яйцо, поджимая под себя одну ногу, словно цапля.

После недолгих обсуждений решено было отметить приезд старого друга на кухне, а сову отнести пока в темную комнату для адаптации. Со всеми мерами предосторожности ее посадили на письменный стол и аккуратно притворили за собой дверь. Алексей тоже вытребовал себе право посидеть на кухне, однако не успели разлить водку по рюмочкам, как были взбудоражены жутким грохотом и звоном разбитой посуды за стенкой. Бросились в комнату, зажгли свет, и глазам их предстала апокалиптиче-

ская картина: на полу валялись книги и стулья, ковер впитывал воду из разбитой вазы, кругом были разбросаны растрепанные розы и астры, что подарили жене. Как маятник, из стороны в сторону покачивалась, жалобно позванивая, пышная люстра, от которой отлетело несколько хрустальных пластинок. Завидев пришедших, сова щелкнула клювом и снова распростерла свои гигантские крылья. Физически можно было почувствовать, как она загребает ими плотный воздух, комкает и, отталкиваясь от него сама, швыряет его назад. Виктор Михайлович прыгнул на сову, растопырив руки, но опоздал. Огромная птица рванулась вверх, обрушив еще несколько хрустальных пластинок с люстры и со всего размаха саданулась в оконное стекло. От поднятого потока воздуха вновь посыпались книги со шкафа, а с серванта полетели недобитые вазочки и юбилейные кубки.

— Мешок! — закричал Виктор Михайлович, стягивая со стола скатерть вместе с остатками какой-то канцелярии, и набрасывая ее на сову. Татьяна Николаевна кинулась за рюкзаком. Схватка была недолгой, но яростной. Птицу снова посадили туда, откуда вынули полчаса назад, оставив лишь небольшой просвет для воздуха. Пока прибирали разор, оплакивая разбитые вазы и залитые водой книги, рюкзак жил своей жизнью, дулся, шипел и шевелился в прихожей.

— Что делать-то с ней?! — в отчаянии вопрошала жена.

— Ничего, — заверил Виктор Михайлович, — поживет, пообвыкнется, станет ручной.

— Неси-ка ты ее обратно в лес, Михалыч, — именинница начинала нервничать, — пока она освоится, весь сервиз мне в доме укокошит.

— Не надо в лес, — заныл ребенок. — Мы ее приручим, она будет с нами жить.

— Для тебя же старался, Николавна, — развел руками гость.

— Откуда ты взял-то ее, герой? — вставил Андрей Андреевич, которому расставаться с такой редкостью тоже не очень хотелось.

— Да нельзя ей в лес... не выживет там, — Виктор Михайлович как-то виновато оглянулся на рюкзак, — ранена она...

— Рассказывай, — сурово потребовала жена, и гость начал рассказывать, явно что-то утаивая. Якобы возвращался он из лесу в свою сторожку. Темно, хоть глаз выколи. Настроение скверное. Ветер, пронизывающий, с моросью. И тут вдруг из-за ближайших кустов несется на него какая-то тень. Отработанным движением вскинул он ружьишко, которое на всякий случай с собой по лесу таскал, бац! И что-то большое обрушилось ему прямо под ноги. Думал — убил. Взял домой рассмотреть повнимательнее. А дома сова ожила. Две недели он с ней куковал. Несколько дробинок из нее выковырял, только вот нога никак заживать не хотела. Начала пухнуть.

— Хорошенькое дело, — ни к кому не обращаясь, пробормотала жена, и они гурьбой вернулись на кухню. Подняли тост за именинницу, но застолье как-то не клеилось. Пошли снова смотреть на сову. Рюкзак горестно вздохнул и замер, ощущая присутствие людей.

— Не может животное в тесном мешке сидеть все время, — сказал Андрей Андреевич.

— И что ты предлагаешь?

— Может, убрать все мелкие предметы с серванта и шкафа? — предложил Алексей.

— Так она о стекло башку себе разобьет! Она ж окно вообще как препятствие не видит и не воспринимает, — уверенно парировала мать.

— Может, — рассудительно подтвердил Виктор Михайлович.

Снова удалились на совет. После второго тоста мысли заработали лучше. Ванная комната — решили почти хором! Убрали все полотенца, попрятали шампуни, тюбики, щетки и мочалки. Принесли рюкзак в ванную, развязали.

— Щелк! — сова огляделась вокруг. Ее голова, практически неотделимая от туловища, плавно поворачивалась на сто восемьдесят градусов, словно башня пернатого танка, нацеливаясь клювом на враждебные предметы.

— Наверное, ей яркий свет мешает, — предположил Алексей, но как только погасили свет в ванной, сова, растопырив гигантские крылья, подскочила на край раковины, попутно сметя в ванну зеркало и шкафчик для женской парфюмерии.

Пока вынимали осколки зеркала, сову снова с невероятными усилиями упаковали в рюкзак.

— В туалет ее, может? — предложил хозяин, поскольку возможности однокомнатной квартиры оказались весьма ограниченными, но тут запротестовала жена:

— Нет уж, туалет чаще нужен, чем ванна. Я ей его не отдам!

Все согласились. Произвели еще раз тщательный осмотр, вытащили из ванной все, что было не привинчено и не приколочено, и снова запустили туда животное, которое тоже нельзя сказать, чтобы радовалось происходящему. Сова уселась в углу, на корзину для белья, где, по ее представлениям, видимо, легче было держать круговую оборону. Вид у нее был решительный, она словно говорила: «Как хотите, а в рюкзак меня больше не засунете!»

— Не было хлопот, да купила баба порося! — вздохнула жена, когда они выключили свет в ванной, заперли дверь на крючок и сели за стол. Только решили провозгласить третий тост за хозяев этого богоспасаемого дома, как вспомнили, что у птицы нет ни еды, ни питья. Все отложили и начали размораживать куриные желудки — единственное, что осталось из натуральных продуктов от дня рождения в холодильнике, налили воды в блюдечко. Сова приняла дары неохотно, шипя и пощелкивая клювом.

— А она кусается? — задал вопрос, который давно следовало задать, Алексей.

— Вероятно, — ответил отец.

— Не знаю, — равнодушно сказал Виктор Михайлович, — меня не кусала, хотя попытки были. В любом случае надо быть настороже: клюв-то у нее вон какой. Она большую лису может сожрать.

— Больную... — протянула Татьяна Николаевна, — а она сама-то здорова?

— Всё, за исключением лапы, — ответил гость.

Со стороны осмотрели лапу — действительно, на левой имелась большая неровная шишка.

— Подлечите — еще стометровку бегать будет, — заверил дачный сторож, гася свет, когда они вышли из ванной.

Ночь прошла относительно спокойно.

Утром гость уехал, а семейство осталось с неожиданным пополнением. Три не очень понятные друг другу формы жизни, включая Василия, начали настороженно изучать друг друга, каждый из своего угла. Сова время от времени потягивалась, взмахивала крыльями, роняя полотенца и неубранные предметы гигиены, но в общем вела себя тихо. Ела исправно и достаточно прилично. Василий был заключен в свою клетку почти на целый день. Изредка ему позволялось прогуляться по комнате, да иногда Алеша носил его к сове, устраивая смотрины.

Поначалу хороший аппетит совы не мог хозяев не радовать, но к концу месяца глава семьи призадумался.

— Все мясо, что появляется в доме, включая пельмени, отправляется в желудок этой курицы, — как-то пожаловался Андрей Андреевич очередному гостю, которого пригласили полюбоваться на редкого зверя. — Я уже и забыл, что это такое! Нам крупы и корнеплоды, все остальное — ей.

Сова при этих словах красноречиво щелкнула клювом, и перед ней снова положили блюдечко с сырым фаршем.

Недели через две положение ухудшилось: Татьяна Николаевна ушла с работы и пока не устроилась на новую, общий семейный доход сократился вдвое. Более того,

у Василия обнаружились вши. Откуда они взялись, было понятно и без слов. Престарелый крыс постоянно чесался. За всю жизнь, ни разу не сталкиваясь с паразитами, он был явно обескуражен. На семейном совете решено было его вымыть в тазу. Возраст ли, вши ли, мыльная вода или присутствие рядом хищного существа, а может, все вкупе, сделали свое дело: Василия хватил инсульт. Поняли это не сразу, но когда осознали — опечалились. Выстелили клетку старым свитером, купили банан и тыквенные семечки. Ветеринары по телефону в один голос отвечали, что животных типа крыс, мышей и хомяков они не лечат, называя их всех «подопытными».

К тому же совиная лапа опухла еще больше, и шишка стала напоминать детский кулачок. Да и сама птица погрузнела и стала как-то съеживаться, хотя аппетит ее несколько не уменьшался. Снова начался обзвон ветеринарных клиник, который ничего не дал. Специалисты по кошечкам и собачкам только разводили руками. Наконец кто-то посоветовал Институт болезни птиц, что у Московских ворот.

...Но у него два пальца отвалились,
И мы решили — надобно врача, —

пробормотал про себя Андрей Андреевич несколько запомнившихся ему строчек из прочитанного когда-то трогательного стихотворения Дмитрия Толстобы «Прогулка со снегирем».

Сборы были долгими и тяжелыми. Алексей от этой обязанности под надуманным предлогом увильнул, и родители с огромным трудом принялись упаковывать сову в предусмотрительно оставленный рюкзак. Сова не упаковывалась. Один раз ей даже удалось взлететь в прихожей, обрушив вешалку с одеждой на пол, и все же приматы взяли верх над пернатым. Оставив сове небольшое отверстие в рюкзаке и помятая незлым тихим словом Михалыча, Андрей Андреевич поехал на троллейбусе в орнитологический институт. По пути рюкзак недовольно встряхивался, шипел и покряхтывал. Пассажиры посматривали настороженно, а кондуктор перед тем, как потребовать оплату за провоз багажа, участливо поинтересовалась:

— Кота перевозите?

— Попугайчика, — буркнул Андрей Андреевич и, встретив непонимающие взгляды, добавил: — Хорошо откормленного попугайчика.

В институте, отсидев несколько часов в одной очереди с петухами, индюшками и перепелами (которые, чуя хищника, начинали рваться из своих мешков и клеток), он много узнал о самых разных птичьих заболеваниях, перечитал массу плакатов о клещах и прочих паразитах. Особенно насторожили его статьи о пероедах и клещах, живущих на диких птицах.

— У нас Петя газету на балконе склевал, так бумага встала комом в зобу — чуть не задохнулся, бедняжка, — попыталась заговорить старушка впереди, но, узнав, что за зверь шевелится в рюкзаке, переставила клетку со своим петухом подальше.

В кабинете тоже все пошло наперекосяк: при осмотре врач, увидев пациента, оторопел, руки его дрогнули, не удержав выскочившую птицу, и она радостно взмыла под потолок. Старинная институтская аудитория с потолками под четыре метра после тесной ванной стандартного панельного дома показалась сове настоящим раем. Ловили ее впятером, призвав на помощь двух ассистенток и даже уборщицу. Сафари было долгим и не без потерь инвентаря. На пол летели посуда, пробирки, медикаменты...

Заплатив пару тысяч, Андрей Андреевич печально побрел со спеленутой совой домой, обогащенный знаниями, что кормить ее нужно не просто мясом, но и протертой на мелкой терке морковкой, а также творожком и прочими витаминизированными

продуктами, которые он и сам видел далеко не часто. Относительно лапы было сказано несколько противоречивых предположений и выписана какая-то редкая мазь.

Начались суровые будни. Лечиться сова не желала, повязку на ноге сдирала, попутно щиплясь и угрожающе щелкая клювом. Помыться в ванне стало совсем проблематично. Продукты, деньги и терпение были на исходе. Радоваться сове продолжал только Алексей, приводивший время от времени своих одноклассников полюбоваться на редкого зверя.

— Назад в лес ей нельзя, она с такой ногой там не выживет, — печально повторял он с явным расчетом, что родители слышат тоже.

Лапа не заживала, шишка продолжала увеличиваться.

Наконец открыто запротестовала Татьяна Николаевна. Жизни в доме, по ее версии, не стало никакой.

— Да, в лес ее нельзя... — соглашался обычно Андрей Андреевич, — обратно на дачу тоже не вариант, ведь Михалыч ни следить за ней, ни кормить не станет. В лучшем случае чучело сделает.

И вдруг его осенило:

— А может, превратить сову из статьи расходов в статью доходов?

— Это как?

— Продать в зоомагазин!

— А они возьмут?

— Еще как возьмут! С руками оторвут такое сокровище! Это ж полярная сова, редкостный экземпляр!

Опять начались процедуры непростого упаковывания подарка, который давал понять, что он далеко не подарок. Когда в третьем зоомагазине, даже не глядя на предмет разговора, продавцы отвергли гордую птицу, поскольку на нее не было никаких справок и документов, Андрей Андреевич понял, что пропал. Страшное уныние охватило его, и когда он ощутил всю полноту отчаяния, за спиной раздался тоненький детский голосок:

— Мама, мама, ну купи мне попугайчика!

Он оглянулся и увидел у прилавка маму с дочкой, которая показывала на клетку с волнистыми ярко-синими попугайчиками.

— Ну зачем тебе такой маленький? Мы же с тобой побольше хотели, а эти и говорить не научатся, видишь, у них головка с наперсток. Там мозгов совсем нет!

— Ну и что, что нет! — артачилась девочка. — Они все равно хорошие.

Поняв, что это последний шанс, Андрей Андреевич, чувствуя себя немного Остапом Бендером, ринулся в атаку:

— Хотели завести попугая?

— Да вот, — замялась мамаша, — мы думали большого какого-нибудь завести, чтобы разговаривать умел.

— А у них нет больших... только маленькие, — чуть не рыдая, протянула дочка, которая по возрасту была вдвое младше Алексея.

Пряча рюкзак до поры за спину, Андрей Андреевич растянулся в самой доброй улыбке, на какую только был способен:

— Попробую помочь вашему горю! Есть у меня попугайчик большого размера... северный. Хотите — покажу?

— Хотим! — ответила девочка, и на этих словах Андрей Андреевич победно вытащил из-за спины рюкзак.

Как только из него показались нос крючком и два огромных желтых глаза, интерес мамы с дочкой мгновенно сменился растерянностью и страхом.

— Это не попугайчик, — прошептал ребенок, отступив за маму.

— А кто же? — искренне удивился Андрей Андреевич, косясь на рюкзак. — Настоящий полярный попугай... Поляр пэррот! А главное — голова какая большая — в такой голове весь словарь Даля поместится... если говорить научите.

Поляр пэррот угрожающе щелкнул клювом, и Андрей Андреевич от греха принял-ся запаковывать большую голову обратно.

— Ну как? Будете брать? Отдам недорого.

Мать, наконец-то выйдя из ступора, смогла только выдать:

— Вообще-то, мы передумали попугайчика заводить. У меня аллергия на перья.

И горе-продавец печально двинулся к выходу.

Возвращению совы был рад только Алексей. У Василия совсем отнялись задние ноги. Он с трудом доползал до поилки, и все семейство утешало его, подсовывая самые разные кусочки фруктов и сладостей, какие только могли найти и позволить себе. Прошло еще пару дней, и однажды утром Татьяна Николаевна вдруг воскликнула:

— Зоопарк! Ведь есть же зоопарк! Они должны принимать экзотических животных.

Перерыв телефонную книгу, они нашли телефон зоопарка и набрали номер.

— Правда полярная сова? — осведомились в трубке. — Конечно, привозите! Непременно возьмем... Нет, только бесплатно... Но мы запишем ваше имя в список почетных дарителей. Это очень почетно... Ждем с нетерпением...

— Бесплатно так бесплатно, — поджал губы Андрей Андреевич. — Еще немного, и я сам готов буду доплачивать.

К приезду совы в администрации возник некоторый ажиотаж. Несколько сотрудников в белых халатах высыпали на проходную и с помпой проводили Андрея Андреевича в какой-то кабинет, галдя и восхищенно показывая друг другу на рюкзак.

— Вы не представляете, что для нас значит каждый экземпляр, — заговорила женщина, вероятно, заведующая орнитологическим отделом, вставая из-за стола к ним навстречу. — Как вам удалось ее заполучить? Мы диплом благодарственный подготовим!.. Впишем золотыми буквами...

— Приятель привез, — раскрывая рюкзак, пробормотал смущенный вниманием Андрей Андреевич. Появилась мохнатая голова, а по кабинету пронесся вздох разочарования, напоминавший простое «фууу!».

— О, господи, опять, — всплеснула руками заведующая, — да сколько ж можно-то?!

— В каком смысле? — насторожился Андрей Андреевич.

— Ну какая же это полярная сова, молодой человек?! — укоризненно покачала головой заведующая.

— А кто же это? Попугайчик?

— Вы что, совсем в птицах не разбираетесь?

— Нет, не разбираюсь, — начал кипятиться Андрей Андреевич, — зато я прекрасно разбираюсь в том, что ее нужно кормить, поить, лечить, содержать... Ну и кто же это по-вашему?

Толпа из кабинета незаметно рассосалась, остались только заведующая да сухонький старичок у двери. Он-то и произнес брезгливым голосом:

— Длиннохвостая неясуть. Ну и куда ее девать прикажете, Марина Анатольевна? У нас все вольеры этой радостью переполнены.

Андрей Андреевич похолодел.

— Не возьмете? — спросил он почти шепотом.

— Возьмем, куда деваться? — почти с отвращением сказала заведующая. — Берите ее, пойдём в карантин.

— А у нее еще лапка больная, — с дрожью в голосе произнес даритель.

— Ничего, разберемся, — махнул рукой старичок. — Теперь деваться-то некуда.

Когда дело было сделано и птицу посадили в какую-то странную, длиной во всю комнату, узкую клетку, с тремя такими же нахохленными птицами, старичок пригласил Андрея Андреевича выйти во внутренний двор к птичьему вольеру.

— А они ее не обидят? — спросил с сомнением Андрей Андреевич.

— Ничего страшного. Вот вы лучше на это полюбуйтесь — тут у нас длиннохвостые неясны обитают. Не знаем, что делать с таким количеством.

Действительно, все ветки в вольере были полны птицами, как две капли воды похожими на Витин подарок.

«Длиннохвостая неяснь, длиннохвостая неяснь, длиннохвостая неяснь», — все повторял про себя Андрей Андреевич, чтобы не забыть, когда они пошли к проходной.

— А можно позвонить от вас?

— Конечно, — отозвался старичок.

Андрей Андреевич набрал номер и, услышав жену, радостно выпалил:

— Ее взяли! Представляешь?

— Подожди, подожди минуту, ты что, уже отдал ее?

— Да, представляешь, они еще брать не хотели, у них этих неясней как грязи... — Андрей Андреевич виновато поглядывал на старичка, который любезно ждал, когда тот закончит.

— Папа, вези ее назад, — раздался плачущий голос Алешки, и снова голос жены: — Андрей, Васик умер...

— Как умер? — глупо переспросил Андрей Андреевич, и острая неприятная волна, прокатившись откуда-то из самой груди, резко ударила его в нос.

— Так... на ручки попросился перед смертью. Умер спокойно. Он ведь старенький был. Ты только не задерживайся. Забирай сову и приезжай. Она, конечно, не заменит Василю, но все-таки... Я уже привыкла к ней. Если б мы его тогда не выкупили... Ну найдем мы для нее мяса, если нет, Михалыч про корм кошачий говорил.

Образовалась долгая пауза, но потом Татьяна Николаевна, видимо испугавшись несогласия мужа, снова быстро заговорила:

— В конце концов, это мне ее подарили на день рождения, и сын давно попугайчика хотел. Ты бесчувственный отец, даже Витька про попугайчика помнил, а ты!..

— Я понял, — решительно положил трубку Андрей Андреевич и, обернувшись к ожидавшему старичку, хрипло сквозь зубы спросил: — Вы говорили, не знаете, куда длиннохвостых неясней девать?